

Эмблематика и символика Петербургской академии наук в начальный период её истории

Пчелов Евгений Владимирович

Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия

В первое десятилетие истории Петербургской академии наук шли поиски тех эмблематических изображений, которые могли бы символизировать деятельность этого учреждения и служить его визитной карточкой, как внутри России, так и на международной научной арене. Было разработано несколько вариантов эмблематических композиций, опробованных в различных изданиях Академии наук. Первая эмблема с тремя сеятелями (1726 г.) отличалась сложной структурой и не нашла признания, хотя её отдельные элементы позднее были заимствованы в последующих изображениях. Эмблема с растущим деревом композиционно восходила к виньеткам изданий Парижской академии наук, но отличалась оригинальностью главного изображения, в то время как девиз был заимствован из западноевропейских сборников эмблем. Виньетка с государственным орлом и картами двух морей, символизировавшая научное исследование России под покровительством монарха, выполняла роль декоративной заставки в трудах Академии. Наконец, официально утверждённым стало в 1735 г. изображение с академической печати, центральное место на которой занимала Паллада. Именно этот визуальный образ и стал в XVIII веке идентификационным знаком и Академии наук, и науки в России в целом.

Ключевые слова: эмблема, символ, Академия наук.

Emblems and symbols of the St. Petersburg Academy of Sciences in the early period of its history

Evgeny V. Pchelov

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

In the first decade of the history of the St. Petersburg Academy of Sciences, there was a search for the emblematic images that would symbolize its activities and serve as its hallmark, both in Russia and in the international scientific arena. Several variants of emblematic compositions were developed and used in various publications of the Academy of Sciences. The first emblem with three sowers (1726) had a complicated structure and failed to find recognition although some of its elements were borrowed in later images. The composition of the emblem with a growing tree could be traced back to the vignettes in the Paris Academy's publications while the main image was original and the motto was borrowed from Western European collections of emblems. The vignette with the state eagle and the maps of two seas that symbolized scientific exploration of Russia under the patronage of the monarch served as a decorative heading in the

Academy's works. Lastly, the image on the Academy's seal with Pallas Athena occupying the central place was officially approved in 1735. It was this image that became the identification mark of both Russia's Academy of Sciences and Russian science in the XVIII century.

Keywords: emblem, symbol, Academy of Sciences.

После образования Императорской петербургской академии наук уже в первые годы её существования начала формироваться символика этого учреждения. В первую очередь она воплощалась в эмблематических виньетках и гравюрах печатных изданий Академии, а впоследствии и на академической печати, изображение на которой было официально утверждено императрицей Анной Иоанновной в феврале 1735 г. За первые десять лет своей истории Академия использовала несколько эмблематических композиций.

Наиболее ранней среди них была виньетка, предварявшая первое издание Академии – публикацию речей, произнесённых на её первом публичном заседании 27 декабря 1725 г. Само это издание на латинском языке увидело свет в 1726 г. (*Sermones in primo solenni Academiae Scientiarum Imperialis conventu die XXVII Decembris anni MDCCXXV publice recitati. Petropoli, [1726]*) (рис. 1). В своей «Истории Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге» профессор Академии, выдающийся историк Гер(х)ард Фридрих Миллер так описал её: «Круглый щит размером почти с имперского орла, так что его (орла) туловище почти не видно из-за этого щита. Из-за щита проглядывают только головы [орла], увенчанные тремя коронами, а также крылья и ноги, держащие в когтях скипетр и державу. На щите можно видеть [изображение] трёх мужчин в повседневной одежде. Один рассматривает зёрна, другой их сеет, третий сыплет зерно в мельницу. Над этими фигурами (*точнее, вокруг их*) слова» (Миллер, 2006, с. 546), и здесь Миллер не вполне точно передаёт латинский девиз,

Рис. 1. Виньетка первого издания Петербургской академии наук, 1726 г.

который в русском переводе Ю.Х. Копелевич звучит как «Отделяет ложное, выращивает истинное и прилагает к практике» (Копелевич, 1973, с. 123), а в переводе Б.А. Старостина – «Отделяет ложное [от истинного], увеличивает истинное и приспособливает для полезных употреблений» (Миллер, 2006, с. 774).

Понять смысл девиза можно, исходя из изображения, поскольку каждая из частей девиза соответствует одной из трёх человеческих фигур в круглом картуше. Здесь показаны три крестьянина в европейских одеждах, из которых один на первом плане просеивает зерно через сито, т.е. «отделяет ложное»; другой вдалеке сеет зерно в поле, т.е. «выращивает истинное»; а третий, вновь на первом плане, сыплет зерно в мельницу, т.е. «прилагает истинное к практике», извлекает из него пользу (сама сцена разворачивается от зрителя слева направо). Точно таким же образом и знания, добываемые Академией, отделяют истинное от ложного, умножают истинное и извлекают из него практическую пользу. Кто был автором этого изображения, так и остаётся неизвестным. Однако оно не понравилось академикам. «[Тогда же] появились насмешки над этой эмблемой, и потому она оказалась использованной только в этот единственный раз», – заключает Миллер (Миллер, 2006, с. 546).

Тем не менее, благодаря этой виньетке определилась общая композиционная структура будущей эмблемы на академической печати. Это некое эмблематическое изображение, сопровождаемое девизом, которое в картуше помещалось на груди российского государственного орла, т.е. на том месте, которое в государственном гербе занимал всадник-драконоборец, в начале XVIII в. идентифицированный с Георгием Победоносцем. Подобного рода композиции не были редкостью в первой половине XVIII в.

Важно, однако, обратить внимание ещё на одну деталь. На виньетке по сторонам двуглавого орла (с «сеятелями» на груди) размещены фигуры двух античных богинь. Справа (от орла) Цереры в растительном венке, с факелом в руке и колесницей, в которую запряжены драконы, а слева Минервы в доспехах, с копьём и щитом и сидящей у её ног совой. Церера со всей очевидностью воплощала собой плодородие, в соответствии с символикой картуша в центре двуглавого орла. Иными словами, эта богиня означала плодоносность тех посевов «истинного знания», которое «возделывала» Академия.

Минерва же символизировала само это знание, мудрость, на что указывала и сова – один из главных атрибутов Минервы, как богини мудрости (хотя сова, кстати, в зависимости от контекста может символизировать не только мудрость, но и прямо противоположное качество – глупость). Таким образом на этой виньетке впервые зафиксировано изображение Минервы в контексте академической эмблематики.

Вторая академическая эмблема появилась на титульном листе «Комментариев» (или «Записок») Академии, первый том которых увидел свет в 1728 г. Их изданием первоначально занимался конференц-секретарь Академии профессор права («юстицкий советник») и видный математик

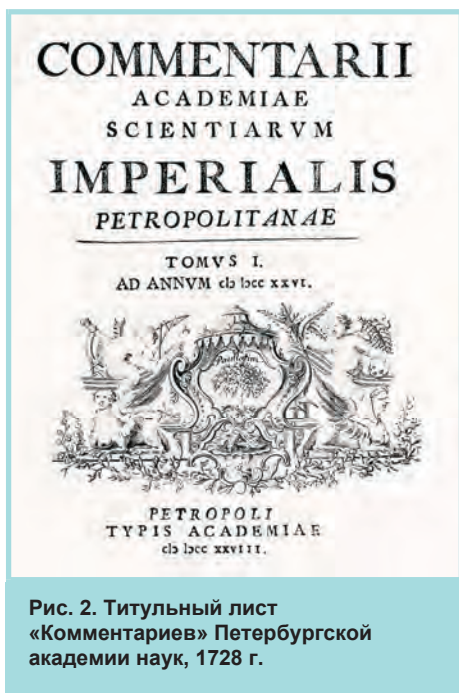

Рис. 2. Титульный лист «Комментариев» Петербургской академии наук, 1728 г.

Христиан фон Гольдбах. Эта виньетка повторялась во всех последующих томах «Комментариев», вплоть до последнего, 14-го, опубликованного в 1751 г. (рис. 2). В её центре картуш с изображением дерева, у которого отчётливо видны листья и корни. Над деревом латинский девиз – Paullatim. Картуш покрыт навершием в виде балдахина. Под ним изображены раковина с морской звездой на ней, а под раковиной – мужская бородатая маска с маленьким медальоном внизу, на котором запечатлён некий женский профиль. От медальона отходят ветви травянистых растений с цветками, охватывающие с двух сторон всю композицию снизу.

Слева и справа от картуша две фигуры крылатых сфинксов, как и положено, в женском обличье. Над ними

два путти с атрибутами разных наук. Путто слева от зрителя повернулся спиной и что-то пишет на листе бумаги. За ним виднеются разного рода приборы и инструменты, в т.ч. теодолит и наугольник. Путто справа, напротив, обернулся к зрителю. Одной рукой он держит жезл Асклепия, с обвивающей его змеей, а другой опирается на человеческий череп с опрокинутой частью скелета. За жезлом возвышаются листья агавы (или какого-то подобного суккулента). С двух сторон от картуша в глубине также помещены определённые предметы. Слева от зрителя кадуцей, а справа химические печи с ретортами.

Символика этой композиции в целом понятна. Сфинксы символизируют те загадки природы, которые должна своими трудами разрешить Академия. Цветущие растения и морские существа означают саму эту природу, причём, что называется, от самых её «начал» – моллюсков, раковин, которые представляются наиболее примитивными существами. Не очень понятен мужской маскарон внизу, возможно, означающий морское божество – персонификацию морской стихии, в которой зарождается «жизнь».

Путто слева символизирует точные науки, навигацию, математику, технику, всё то, что связано с измерениями и вычислениями. Эти науки открывают путь торговле, атрибутом которой служит кадуцей. Путто справа покровительствует наукам «естественным», анатомии, медицине, ботанике. К их числу относится и химия, постигающая суть природных процессов и воплощённая в изображениях химических печей. Таким образом центральный картуш окружают символы разных наук, сгруппированные в определённом порядке, который полностью соответствует первому

(математика, астрономия, навигация, механика) и второму (анатомия, химия, ботаника) «классам» Академии, как они мыслились, согласно «Проекту положения об учреждении Академии наук и художеств» 1724 г. Гуманитарные науки в этом символическом ключе не представлены вовсе.

У данной виньетки существует изобразительный прототип. Это виньетка различных изданий Парижской академии наук того же времени, что и начало издания петербургских «Комментариев». Она также помещалась на титульных листах. В её центре в окружении лаврового венка представлена известная личная эмблема (импреза) короля Людовика XIV (сияющее солнце) в окружении трёх французских королевских геральдических лилий. Над нею латинский девиз на ленте – «invenit et perficit» («изобретает/придумывает и завершает»). А вокруг – различные атрибуты наук и три путти: один циркулем измеряет расстояние на земном глобусе, другой, повернувшись спиной, производит математические вычисления, третий в лупу рассматривает листья агавы. Рядом с ними расположены химическая печь, телескоп, армиллярная сфера, рычажный кран с отвесом и разные другие инструменты и приборы (рис. 3).

Совпадение многих деталей обеих виньеток ясно показывает, что создатель эмблемы для петербургских «Комментариев» ориентировался на эмблему французских академических изданий. Что и неудивительно, поскольку уже в «Проекте положения...» 1724 г. именно Парижская академия упоминалась в качестве образца для Петербургской: «И понеже сие учреждение такой Академии, которая в Париже обретается подобно есть...» (Полное собрание законов Российской империи (первое). Т. VII, 1830, № 4443, с. 221). То же отмечал и профессор физики Георг Бернгард Бильфингер в речи, произнесённой на первом собрании Академии: «Наша Академия ближе всего подходит к парижскому образцу» (Копелевич, 1977, с. 94).

Уникально, впрочем, на этой академической эмблеме изображение в картуше, а именно плодоносящее дерево с девизом «Paullatim», т.е. «постепенно», «мало-помалу». Ю.Х. Копелевич интерпретировала эту эмблему и девиз так: «... изображение фруктового дерева, символа науки, которую надо выращивать терпеливо и долго, не ожидая быстрых плодов»

Рис. 3. Титульный лист издания Парижской королевской академии наук, 1747 г.

(Копелевич, 1977, с. 162). Можно понять и несколько по-иному, применительно к конкретным обстоятельствам момента: *raullatim* – это постепенное приращение научного знания трудами Петербургской академии. В общем «древо знания» выращивается постепенно и в конечном итоге приносит свои плоды. Здесь, кстати, особенно показательно чёткое изображение корней дерева, которые как раз его и питают.

Примечательно, что девиз «*raullatim*» известен в европейской эмблематике рубежа XVII – XVIII веков. Однако он сопровождает совсем другие изображения, например, ползущую черепаху, как в амстердамском издании известного петровского сборника «Символы и эмблемата» (1705 г.) (Символы и эмблемата, 1705, с. 202–203) и в его прототипе – книге Даниэля де ла Фея «Девизы и эмблемы, древние и новые, заимствованные у наиболее известных авторов...», впервые изданной в 1691 г. (*Devises et Emblemes*, 1699, t. 44, 5). Встречается, однако, применение того же девиза и к изображению растения с цветами. Такую композицию можно видеть в сборнике эмблем, медалей, «иероглифических» фигур и монограмм французского гравёра Николя Веррьена, впервые опубликованном в Париже в 1685 г. Её сопровождает пояснение: «Стебель, на котором растут цветы, поливают» и аналогичный девиз, который, правда, дан не на латыни, а на других языках: «*Roso à roso. Reu à reu*» (*Verrien*, 1696, pl. XXXIV, 6). Постепенный рост растения, дающего цветы, семантически сближает эту эмблему с академической.

Ещё одна эмблематическая, а точнее геральдическая композиция встречается в тех же академических «Комментариях» и её авторство принадлежит фон Гольдбаху (Юшкевич, Копелевич, 1983, с. 74). Это виньетка перед предисловием к «Комментариям», и, как писали в биографии фон Гольдбаха А.П. Юшкевич и Ю.Х. Копелевич, она «изображает труды учёных по съёмке Балтийского и Каспийского морей». На этой композиции, действительно, с двух сторон от двуглавого орла помещены декоративные карты Балтийского (справа от орла) и Каспийского (слева от орла) морей с компасными румбами. При этом на побережье Балтийского моря отмечены Петербург, Ревель и Рига, а на побережье Каспийского – Дербент. Две головы орла опущены вниз и как бы смотрят на эти карты. Между тем, под орлом в картуше помещена символическая сцена с горящим жертвенником посередине и фигурами по сторонам его (причём одна из фигур с поднятыми руками). Форма картуша подобна той, которая использована в эмблеме с растущим деревом (рис. 4).

Над всей композицией на ленте представлен латинский девиз «*Respicit occasum victrix et spectat in ortum*», который означает «Оглядывается на запад победоносная (т.е. Россия) и смотрит на восток». Здесь имеются в виду новые территории на западе и на востоке, которые присоединила Россия к середине 1720-х гг., т.е. по результатам Петровского царствования.

Изображение государственного орла с картами морей до некоторой степени напоминает царский/императорский морской штандарт в том виде, в котором его утвердил Пётр I. На нём двуглавый орёл держит в

клювах и лапах карты четырёх морей – в клювах карты Белого и Каспийского, а в лапах Азовского и части Балтийского моря. Академическая виньетка показывает, что вслед за выходом к морям начинается их научное исследование трудами Академии, и шире – исследование всех пределов Российской империи от запада до востока. Эта научная задача и воплощена в рассматриваемой композиции. Неясным лишь остаётся смысл сцены с жертвенником, разыгрывающейся в картуше – из-за небольшого размера не представляется возможным тщательно рассмотреть все её детали.

Заставка инициала V, с которого начинается текст под виньеткой, представляет панораму Невы с Петропавловской крепостью и зданием кунсткамеры Академии наук. На набережной, у деревянных перил стоят дамы и кавалеры, которые смотрят на академическое здание. Кажется, это первый случай использования самого здания в качестве символа Академии в её изданиях. Как видим, даже современная академическая эмблема находит свой прототип в первых академических публикациях.

Наконец, 4 февраля 1735 г. императрица Анна Иоанновна высочайше одобрила доклад Академии наук о форме академической печати. Причины создания этой печати и её символика объяснялись следующим образом: «Понеже Академия наук никакой особливо Императорским указом подтвержденной печати наподобие прочих Академий не имела, которая бы ея дело и намерение чрез некоторой знак изъявляла, то она с Высочайшим и Всемилостивейшим соизволением Вашего Императорского Величества следующее изображение себе избрала, а имянно, Государственный орел в золотом поле, на грудях красной щит имеющий, в котором Палляда, на камне сидящая, в правой руке копие держит, а левою опирается на щит с следующею надписью: NIS TUTA PERENNAT, то есть: Здесь безопасно пребывает, показывая чрез то, что Академия или науки под Всемилостивейшим защищением Вашего Императорского Величества безпрестанно продолжаться и процветати будут» (Полное собрание законов Российской империи (первое). Т. IX, 1830, № 6684, с. 478). Инициатива в создании печати принадлежала тогдашнему президенту («главному командиру») Академии действительному камергеру барону Иоганну Альбрехту фон Корфу, незадолго до того назначенному на эту должность.

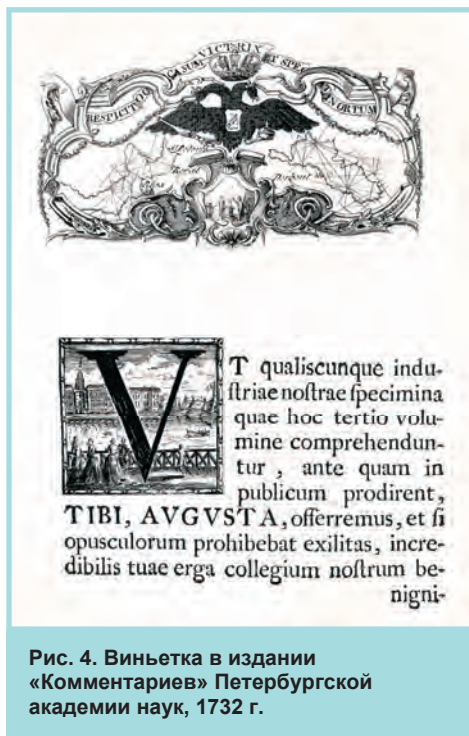

Рис. 4. Виньетка в издании «Комментариев» Петербургской академии наук, 1732 г.

25 ноября 1734 г. барон Корф на заседании академической Конференции поручил создание печати профессору правоведения («публичной юриспруденции») Иоганну Симону Бекенштейну, к тому времени зарекомендовавшему себя специалистом в области геральдики (хотя сам он таковым себя не считал) (Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук, 1897, с. 121). Бекенштейн составил первое учебное пособие по геральдике в России (на немецком языке), изданное в 1731 г. (оно было создано для обучения Петра II), а также занимался «сочинением» гербов для знамён слободских и морских полков. Распоряжение президента в тот же день было доведено до сведения Бекенштейна библиотекарем И.Д. Шумахером, на что профессор просил, чтобы ему сообщили изображения «при академии наперед сего уже сделанных печатей» (Материалы для истории Императорской Академии наук, 1886, с. 518).

13 декабря Бекенштейн представил Конференции несколько проектов рисунка печати, и барон Корф остановился на одном из них, предложив заменить в девизе на печати одно латинское слово. Этот девиз первоначально звучал как «*Sic tuta perennat*», т.е. «Так безопасно пребывает» (точнее «Так в безопасности надолго»), теперь же слово «*sic*» было заменено на «*hic*», т.е. «здесь». Это изменение сохранило саму внешнюю форму и структуру девиза, но скорректировало его смысл. 21 декабря Бекенштейн ещё раз представил проекты печати, с учётом поправки, попросив вернуть ему первоначальные варианты, что и было сделано (Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук, 1897, с. 126, 129–130). По-видимому, с этого времени работа над проектом академической печати завершилась. Её окончательный рисунок был сделан служившими при Академии художниками-супругами Георгом Гзеллем и Доротеей-Марией Гзелль. А уже по этому рисунку 17 марта 1735 г. печать была вырезана на стали резчиком при академической словолитне литерным мастером Иоганном Купи (Пекарский, 1870, с. 210).

Однако, в своей «Истории Императорской Академии наук» профессор Миллер писал, что автором эмблемы с изображением Минервы «в нагрудном щите русского орла» был фон Гольдбах. При этом эмблема имела и девиз: «*Hic tuta quiescit*», т.е. «Здесь пребывает безопасно». «Эта эмблема стала впоследствии академическим гербом и печатью», – заключает Миллер (Миллер, 2006, с. 546).

Из сведений Миллера (если только ему не изменяла память, а надо сказать, что в период создания самой академической печати он находился уже в Сибири, работая в составе Второй Камчатской экспедиции) выходит, что первоначальный девиз «*Hic tuta quiescit*» («Здесь пребывает безопасно») при разработке печати приобрёл вид «*Sic tuta perennat*» («Так в безопасности надолго»), а затем было как бы возвращено начальное слово «*hic*», и в итоговом варианте девиз стал выглядеть как «*Hic tuta perennat*», т.е. «Здесь в безопасности надолго». В тексте же прошения императрице, поданного бароном Корфом, был приведён перевод именно первоначального девиза («Здесь безопасно пребывает»), без позднейшего уточнения, от чего смысл девиза оказывался несколько обеднённым.

Обратимся к самому изображению на печати (рис. 5). На ней представлен чёрный двуглавый орёл с регалиями в золотом поле, т.е., по сути, государственный герб. На груди орла овальный красный картуш с фигурным ободком, в верхней части которого чёрными буквами написан девиз «НІС ТУТА РЕРЕННАТ». В центре картуша-щита помещено изображение сидящей Паллады в бело-голубом одеянии. Общий колорит – бело-голубое одеяние Паллады на красном поле – полностью соответствует колориту центрального щитка в государственном гербе

Рис. 5. Рисунок для печати Петербургской академии наук, 1735 г.

– ездецу (Георгию Победоносцу) в серебряно(бело)-голубом одеянии на серебряном (белом) коне в красном поле. Таким образом колорит всей академической печати повторял колорит государственного герба. Тем самым с полной определённой была выражена идея государственного статуса академии, монаршего покровительства ей.

Примечательно, что в описании печати богиня именуется именно Паллядой (Палладой), а не Минервой (имя Афина применительно к этой богине в России XVIII века не употреблялось), т.е. своим греческим, а не римским наименованием. Таким образом Академия подчёркивала свою символическую преемственность от самих истоков науки, прежде всего, платоновской Академии античности.

Появление Минервы («Палляды») в эмблематике Петербургской академии не было, конечно, оригинальным в общем контексте тогдашней научной эмблематики. Академия, бесспорно, ориентировалась на издания и эмблематику европейских академических учреждений. Ближайшим образцом, как уже говорилось, была Парижская академия наук. В изданиях её трудов в это время помещался гравированный фронтиспис со стандартным изображением, несколько разнившимся в деталях при Людовике XIV и Людовике XV (рис. 6).

На нём изображена сидящая в кресле Минерва в тунике, с горгонейоном на груди и копьём в левой руке (последний атрибут появился при Людовике XV). Символом мудрости выступала сова, которая при Людовике XIV сидела на ручке кресла, а при Людовике XV стала украшать шлем Минервы. Рядом с богиней располагался большой овальный портрет монарха, означавший покровительство правящего короля, а вокруг находились различные

Рис. 6. Фронтиспис издания Парижской академии наук, 1738 г.

символы науки: сзади Минервы химическая печь, в тени за креслом человеческий скелет, у ног свиток с нарисованными геометрическими фигурами, перед богиней стояла армиллярная сфера. На балюстраде был поставлен горшок с каким-то растением типа агавы, рядом росла пальма, а вдалеке виднелось здание Парижской обсерватории, к которому при Людовике XV на гравюре был добавлен телескоп. Иными словами, «французскую» Минерву окружали те же атрибуты математики, астрономии, химии, ботаники, анатомии, которые мы видели на виньетках парижских и петербургских академических изданий.

Похожее изображение можно видеть и на фронтисписе первого выпуска трудов Берлинской Академии наук (которая тогда называлась Королевским научным обществом), увидевшего свет в 1710 г. (*Miscellanea Berolinensia ad incrementum sci-*

entiarum, ex scriptis Societati Regiae Scientiarum exhibitis edita. Berolini, 1710) (рис. 7). Здесь Минерва стоит на ступенчатом возвышении, в доспехах и мантии и со шлемом на голове, который увенчивает сова с распростёртыми крыльями. Одной рукой богиня поддерживает всевидящее око в сиянии лучей, а другой держит за руку коленопреклонённую Уранию, которая подаёт ей скипетр. Минерву окружают многочисленные атрибуты наук, даже более разнообразные, чем на французской гравюре: скелеты человека и птицы, солнечные и механические часы, химические приборы и телескоп, книги, циркуль и математические формулы, раковина моллюска, термометр и прочие предметы и аллегии. С французской гравюрой берлинскую особенно роднит то, что Минерва стоит у невысокой стены, на карнизе которой стоит горшок с растением, листья которого напоминают агаву, а на заднем плане виднеется здание Берлинской обсерватории, увенчанное телескопом. Портрет монарха (в данном случае это Фридрих I, первый король в Пруссии, сын «великого курфюрста») представлен бюстом в профиль, стоящим рядом с Минервой на том же карнизе. Очевидное влияние французской гравюры было дополнено новыми символами и сделало берлинский фронтиспис несколько перегруженным деталями, хотя и более полно раскрывающим научную семантику эмблематической композиции.

Итак, образ Минервы уже присутствовал в символике европейских Академий, и потому его появление на российской академической печати

полностью отвечало существовавшей традиции академической эмблематики.

Изображение на печати Академии наук использовалось и в оформлении последующих академических изданий. Так, например, титульный лист издания *Musei Imperialis Petropolitani vol. I. Pars prima qua continentur res naturales ex regno animali. Typis Academiae scientiarum Petropolitanae. MDCCXLII* (Первый том Императорского петербургского музея. Часть первая, в которой содержатся произведения природы из царства животных. В типографии Петербургской академии наук, 1742) украшает виньетка, на которой «герб» с академической печати помещён в фигурном резном красном щите в окружении путти и различных животных.

Рис. 7. Фронтиспис издания Берлинской академии наук, 1710 г.

В ряде случаев Минерва в академических публикациях предстаёт в качестве самостоятельного персонажа в сложных аллегорических композициях. Известен казус с фронтисписом книги «Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук Библиотеки и Кунсткамеры, которых представлены планы, фасады и профили, приписанныя Ея Императорскому Высочеству Государыне Великой княгине и правительнице всея России» (СПб., 1741), гравированным Ф.Е. Маттарнови по рисунку Бартоломео Тарсия. После восшествия на престол Елизаветы Петровны из книги было изъято посвящение Шумахера, перепечатан титульный лист, где убрано упоминание о правительнице Анне Леопольдовне, и даже перегравирован фронтиспис, где заменены слова надписи «ПЕТР I начал ЕЛИСАВЕТ I совершила» вместо прежних «...АННА совершила». На этом фронтисписе женщина с детьми идёт к Минерве, указывающей перстом на здание Академии наук, где располагались библиотека и кунсткамера.

При Елизавете Петровне Академия начала издавать «Новые комментарии» (*Novi commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae*), первый том которых увидел свет в 1750 г. и содержал материалы за 1747–1748 гг. Гравированный фронтиспис работы И.А. Соколова представляет очень насыщенную композицию с изображением аллегорических фигур, символизирующих разные науки и художества, Аполлона и условного храма наук с вензелем Елизаветы Петровны на фронтоне и фигурой Минервы на куполе (рис. 8).

Рис. 8. Фронтиспис первого тома «Новых комментариев» Петербургской академии наук, 1750 г.

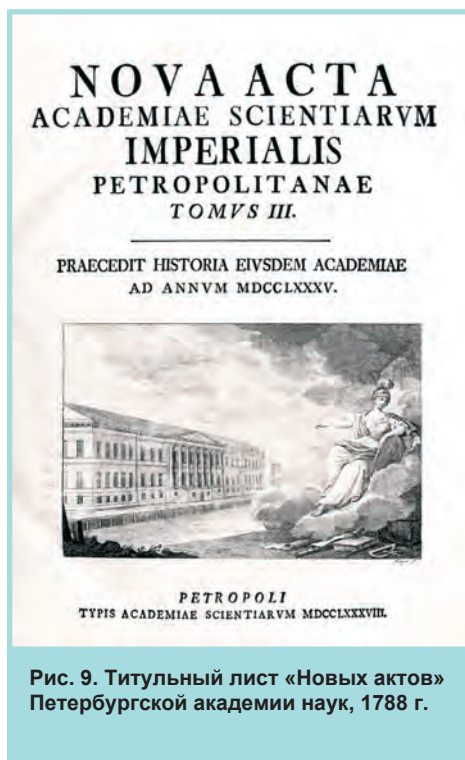

Рис. 9. Титульный лист «Новых актов» Петербургской академии наук, 1788 г.

В 1787 г. началось издание «Новых актов Императорской петербургской академии наук» (*Nova Acta Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae*), титульный лист которых украшала виньетка работы Иоганна-Георга Майра с изображением Минервы, сидящей на облаках и указывающей рукой на новое академическое здание на Васильевском острове, незадолго до того построенное по проекту Дж. Кваренги. Под облаками также располагались атрибуты разных наук, но в более скромном «составе», соответствующем стилистике неоклассицизма (рис. 9).

Разумеется, Минерва изображалась и в виньетках на титульных листах тех трудов учёных, которые издавались Академией, например, «Первых оснований металлургии или рудных дел» М.В. Ломоносова (1763 г.), первого тома «Флоры России» (*Flora Rossica*) П.-С. Палласа (1784 г.) и др., а также и в других композициях, связанных с Академией (например, в оформлении диплома на графское достоинство её президента К.Г. Разумовского, 1751 г.).

Так на протяжении первого десятилетия истории Петербургской академии наук формировалась её символика и эмблематика, представленная в разных визуальных формах и воплощениях.

Источники и литература

1. Копелевич Ю.Х. В дни основания. Академия наук и художеств // Вестник АН СССР. 1973. № 10. С. 121–131.
2. Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, 1977. 211 с.

3. Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 2 (1731–1735). СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1886. 886 с.
4. *Миллер Г.Ф.* Избранные труды / Сост., статья, прим. С.С. Илизарова. М.: Янус-К: Московские учебники, 2006. 815 с.
5. *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб.: Издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1870. 774 с.
6. Полное собрание законов Российской империи (первое). Т. VII. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 933 с.
7. Полное собрание законов Российской империи (первое). Т. IX. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1016 с.
8. Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. Т. I. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1897. 879 с.
9. Символы и эмблемата. Амстердам, 1705. 291 с.
10. *Юшкевич А.П., Копелевич Ю.Х.* Христиан Гольдбах. 1690–1764. М.: Наука, 1983. 223 с.
11. *Devises et Emblemes Anciennes et Modernes, tirés des plus celebres Auteurs.* Augspurg: Kroniger, Göbel, 1699. 51 f.
12. *Verrien N.* Recueil d'emblèmes, devises, medailles, et figures hieroglyphiques, Au nombre de plus de douze cent, avec leurs explications. Paris: C. Jombert, 1696. [334] p.

References

1. Kopelevich, Judith Kh. "V dni osnovaniya. Akademiya nauk i khudozhestv." *Vestnik AN SSSR*, № 10, 1973, s. 121–131. (In Russian).
2. Kopelevich, Judith Kh. *Osnovanie Peterburgskoi akademii nauk*. Nauka, 1977. (In Russian).
3. *Materialy dlya istorii Imperatorskoi Akademii nauk. T. 2 (1731–1735)*. Saint Petersburg, 1886. (In Russian).
4. Müller, Gerhard F. *Izbrannye trudy*. Annotated and with an introduction by S.S. Ilizarov, Yanus-K, Moskovskie uchebniki, 2006. (In Russian).
5. Pekarskii, Petr P. *Istoriya Imperatorskoi Akademii nauk v Peterburge*. Vol. 1, Saint Petersburg, 1870. (In Russian).
6. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (pervoe)*. Vol. VII, Saint Petersburg, 1830. (In Russian).
7. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (pervoe)*. Vol. IX, Saint Petersburg, 1830. (In Russian).
8. *Protokoly zasedanii Konferentsii Imperatorskoi Akademii nauk s 1725 po 1803 goda*. Vol. I, Saint Petersburg, 1897. (In Russian).
9. *Simvoly i emblemata*. Amsterdam, 1705. (In Russian).
10. Yushkevich, Adolph P. and Kopelevich, Judith Kh. *Christian Goldbach. 1690–1764*. Nauka, 1983. (In Russian).
11. *Devises et Emblemes Anciennes et Modernes, tirés des plus celebres Auteurs*. Kroniger, Göbel, 1699.
12. Verrien, Nicolas. *Recueil d'emblèmes, devises, medailles, et figures hieroglyphiques, Au nombre de plus de douze cent, avec leurs explications*. C. Jombert, 1696.

Сведения об авторе:

Пчелов Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела историографии и источниковедения истории науки и техники, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.
E-mail: evg-pchelov@yandex.ru. <https://orcid.org/0000-0002-6541-244X>

Дата поступления статьи: 29.03.2024

Дата принятия статьи: 28.05.2024